

УДК 373.5.016:81(082)

ББК 81.2Рус+81.4Бел

К 63

*Рекомендовано редакционно-издательским советом учреждения образования
«Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»*

Научный редактор

кандидат филологических наук, доцент **Г. М. Концевая**

Рецензенты:

декан факультета повышения квалификации
ГУО «Брестский областной институт развития образования»,
кандидат педагогических наук, доцент **А. И. Остапук**

доцент кафедры белорусской филологии
УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»,
кандидат филологических наук, доцент **Т. А. Кисель**

К 63 **Коммуникативное пространство и информационное поле
в языке и речевой деятельности** : сб. материалов Респ. науч.-практ.
конф., Брест, 21 марта 2020 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ;
науч. ред. Г. М. Концевая. – Брест : БрГУ, 2020. – 164 с.
ISBN 978-985-22-0154-4.

В сборнике представлены материалы, посвященные вопросам исследова-
вания коммуникативного пространства и информационного поля в языке
и речевой деятельности.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям высших учеб-
ных заведений, учителям, аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 373.5.016:81(082)
ББК 81.2 Рус+81.4 Бел

ISBN 978-985-22-0154-4

© УО «Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина», 2020

Таким образом, моделирование и алгоритмизация орфограмм формируют еще и общеучебные универсальные действия. А это значит, что ребенок может их применить в другом виде деятельности, что отвечает компетенции «научить учиться».

Список использованной литературы

1. Валец, А. В. Конструктор Bunchems в начальной школе / А. В. Валец // Педагогика и образование : материалы междунар. дистанц. конф., Красноярск, январь 2018 г. – Красноярск : Солнеч. свет, 2018. – С. 35–39.
2. Венгер, Л. А. Восприятие и обучение / Л. А. Венгер. – М. : Просвещение, 1969. – 340 с.

И. А. Ворон

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ТЕКСТА «ПОТОКА СОЗНАНИЯ» В НОВЕЛЛАХ М. КОЦЮБИНСКОГО

Формирование эстетики литературы «потока сознания» значительным образом обусловлено общими закономерностями развития культуры рубежа XIX–XX вв. Именно этот период ознаменован становлением в литературе модернизма, представленного целым рядом художественных течений, каждое из которых предлагало свою философскую и художественно-эстетическую стратегию осмысления действительности и творческого ее воплощения.

Свою концепцию творчества, опирающуюся на «утонченное восприятие личностных впечатлений и наблюдений, изменчивых мгновенных ощущений и переживаний» [1, с. 309], представил импрессионизм, наиболее полно проявившийся в живописи. Однако и литература импрессионизма, ставившая своей задачей изображение мира таким, каким он представлялся в данный момент через призму субъективного восприятия, значительным образом обогатила литературную традицию. Очевидным является развитие в рамках данного течения литературы «потока сознания», в которой воспроизводится непосредственное течение духовной жизни человека как калейдоскопа ощущений, представлений, переживаний, рассуждений, впечатлений, вызванных воспринятой окружающей действительностью и чувством внутреннего состояния человека [1].

Чаще всего «поток сознания» (термин введен американским философом и психологом У. Джеймсом) называют «крайней формой внутреннего монолога», хоть он и представляет явление более широкое, чем внутренний монолог, т. к. затрагивает внутреннюю жизнь героя не только в ее

вербализованном аспекте, но и в совокупности всех невербальных репрезентаций человеческого сознания. С. Кораблева замечает, что «“поток сознания” передает скорее не внутреннюю речь героя, но имитирует его внутреннюю жизнь. В “потоке сознания” находят себе место невербальные образы, присутствующие в сознании героя наряду с его внутренней речью» [2].

Выделяется несколько приемов изображения «потока сознания» в художественном модернистском тексте. Среди них наиболее распространенным и широко используемым являются внутренний монолог, представленный прямым внутренним монологом, или так называемым «чистым потоком сознания», когда происходит прямое цитирование процесса появления и развития мыслей и впечатлений, и косвенным внутренним монологом, который предполагает передачу мыслей и впечатлений через речь рассказчиков или самого автора. Произведение «потока сознания» отвергает описание фактов реальной действительности и представляет собой импрессионистический пересказ фактов духовной жизни героя. Внутренняя жизнь личности становится предметом творческого исследования художника и двигательной силой всего повествования.

Литература «потока сознания» определяется также как одна из форм психологизма литературы, сложившаяся в конце XIX – начале XX в. Именно в данном смысле «поток сознания» стал ключевым инструментом в создании модернистского, и в частности импрессионистического, текста. Необходимым пунктом литературы «потока сознания» и яркой тенденцией литературного импрессионизма является номинальное отсутствие всезнающего автора в произведении. Функциональность автора в подобном тексте ограничивается, сосредотачиваясь на анонимном переносе невербального сознания в вербальную форму. В этом случае использование вводных литорских слов, описаний и пояснений в тексте исключается. Этот процесс У. Джеймсом назван «драматической» манерой повествования, когда автор сознательно устраняется от участия в действии, предоставляя свободу действий своему персонажу.

В украинской литературе импрессионистические тенденции наиболее ясно выразились в творчестве М. Коцюбинского, которое представлено повелюй нового типа, совмещающей в себе типологические черты модернистского дискурса. Стремление создавать субъективную реальность требовало создания новой концепции автора, адекватной новой эстетике. В результате происходит отказ от всякого анализа, а также всяческих объяснений и доводов. Автор либо вовсе не вмешивается в действия и мысли героев, либо сам становится лирическим героем, выражающим свою точку зрения». В новеллах М. Коцюбинского наблюдается если не полное исчезновение автора, то максимальное его отстранение.

Такова позиция автора в новеллах «Цвет яблони», «Intermezzo», «Дебют», «Неизвестный», «В дороге». Внешне герои новелл остаются бездейственными, статичными, однако внутренняя их жизнь крайне динамична, а сюжеты этих произведений перенесены во внутренний мир героев. Писатель изображает своих героев в моменты сильнейшего душевного потрясения, внутреннего напряжения, провоцируя проявление их сущности в самых неожиданных ракурсах. В ожидании неминуемой смерти своей дочери находится герой новеллы «Цвет яблони». Состоянием невыносимого горя, ощущением несправедливости судьбы, уносящей жизнь единственного ребенка, проникнуты размышления главного героя. Но неожиданно для него самого и независимо от него в сознании «я-отца» возникает другая «точка зрения» на происходящее – восприятие «я-писателя», жадно фиксирующего момент угасания жизни для того, чтобы использовать этот «материал» в своем творчестве: *«мої очі, мій мозок жадібно ловлять усі деталі страшного моменту... і все записують»* [3, с. 279], *«мої очі помічають те, чого раніш не бачили. Я бачу навіть себе, як я ходжу з кутка в куток поміж не потрібними мені й наче не моїми меблями, бачу своє серце, в якому немає найменшого горя...»* [3, с. 277]. В сознании героя между «я-отцом» и «я-писателем» рождается конфликт, непримиримое неприятие отцом равнодушия, цинизма творческой составляющей его личности. А при встрече с женой появляется третья «точка зрения» – «я-мужчины», замечающего в этот трагический момент сексуальную привлекательность, обольстительность горюющей матери. М. Коцюбинский мастерски обнажает сложность, противоречивость человеческой природы, сотканной из сознательных и бессознательных неконтролируемых импульсов и инстинктов, которые реализуются в тексте «потока сознания», создавая «нерв» внутренней драмы-состояния героя. Изображение психологического состояния героя писатель подает в виде внутреннего диалога (а иногда полилога) или «диалогизированного монолога», совмещающего сознательную и подсознательную сферы личности. Автор становится лирическим героем. А. Островская отметила, что «такая повествовательная ситуация открывала возможности для более широкого выхода потенций человека, освобожденного от цензуры сознания» [4, с. 481].

Ситуация раздвоения личности отражена в новелле «Дебют», которая состоит из двух сюжетов: внешнего, повествующего о приезде и пребывании молодого учителя в шляхетской семье, и внутреннего, развивающегося в его мыслях и переживаниях. Героя, измученного комплексом неполноценности, раздражает игнорирование его присутствия некрасивой дочерью хозяина, и он решает добиться ее любви, начиная свою циничную игру. Виктор надевает маску влюбленного, но внутренний голос проти-

витив цьому лицемерню: «Я знаю, що в моїх очах закоханий вираз, тимчасово я її ненавиджу. Мені противний той пісний вид і довгий ніс, і вся півська фігура з гострими дужками плеч» [3, с. 405]. Начиня жить в двух измерениях, все более и более увлекаясь игрой, он теряет связь с реальным собой, настоящими чувствами, своим собственным «я». Игра героя доходит до той точки, когда стираются границы между «я» и «я-актером»: «Я смакую її хиби, дефекти тіла, маленьку душу, безсилий розум... Чого мені треба? Яка сила прає мене в безодню і каже: грай роль – іменно, іменно розумію, що це лиш гра! – і це дає мені певність, що не покину гри, і не обігру роль, аж поки не доведу їх до самого краю... » [3, с. 407]. Два внутренних «я» постоянно полемизируют, спорят друг с другом, терзая и без того разорванную психику героя. А тем временем надуманная любовь перерастает в некую агонизирующую страсть, переплетаясь с ненавистью и все более захватывая в плен актера, который уже не в силах остановить эту игру! «...якась сила, чужа, незрозуміла керує грою. Покірний тій силі, я веду роль, неміло, може, як дебютант, мучу себе і других і не можу сповинитись. І рктом з жахом од своїх вчинків зростає запал, завзяття у грі. Зростає сила. Вперед! В безодню! По саму смерть! ... А тим часом гра йде велько чергою, жорстока, болюча і запальна. До чого? Нащо? Я протестую! Не хоч! Геть з нею!» [3, с. 414]. Игра достигает своего апогея, угрожая жизни героя, его сознание упорно сопротивляется непреодолимому, несконтролируемому тяготению к смертельному исходу, кутия героя и захватывая своей силой. М. Коцюбинский приоткрывает завесу тайны человеческого сознания и подсознания. Повествовательная техника «потока сознания», избранная писателем для передачи пограничного состояния героя (перед попыткой самоубийства), наиболее точно иллюстрирует надломленность психики героя, беспомощность его сознания перед непедомой силой подсознания, уносящего его от реальности. Неуравновешенность персонажа, неустойчивость позиции, противоречивость потока мыслей и переживаний декларируется и на уровне синтаксических конструкций модернистского текста.

Важным пунктом «потока сознания» является создание условий для его непосредственной реализации, т. е. поток сознания возникает в маргинальных состояниях полусна персонажа или состояния «ничегонеделания», когда иступает относительная свобода сознания. Подобная свобода от сосредоточенности на действиях персонажа освобождает «поток сознания» и ширивляет его на него самого, в результате чего и формируется беспретятственное течение мысли. Так, герои новелл «потока сознания» «На острове», «Хвала жизни!» практически бездействуют, перестают быть субъектом действий и становятся объектами различных внешних влияний. Окружающая действительность, напротив, представлена

как нескончаемый поток, движение, которое передается через восприятие героя. Мозг персонажа лишь фиксирует поток импрессий, возникающих ассоциаций от увиденного и услышанного, не осмысляя и не анализируя поступающую информацию: *«Крізь білі колони синіє море, по Monte Solaro повзе туман. Підо мною з підземним гудінням вирушає на берег вагон. На башті дзвонить: три рази тонко і десять густо. Проходять люди, туди і сюди. Якись чорні фігури, матові лиця і червона гвоздика в петельці. Збилися в купу, а далі сперлися низкою на бар'єр, наче ряд галок на телеграфному дроті»* [3, с. 547].

Писатель отказывается от прямого описания действительности и названия реалій, отдавая предпочтение передаче непосредственных ощущений и впечатлений в той последовательности, в которой они воспринимаются героем. Герой улавливает все эти ощущения, бессознательно выделяя какие-то детали (*«червона гвоздика в петельці»*, *«з бокової кишені кінчик рожевої хустки»*). Действительность не отражается в сознании последовательно, запечатлевая в памяти наиболее яркие ее фрагменты. Автор не стремится упорядочить эти впечатления, оставляя героя своего рода резонатором внешних раздражителей. Поэтому новеллы М. Коцюбинского приближаются к «потoku сознания» со всей хаотичностью, неупорядоченностью и нелогичностью течения мыслей.

Чувственное впечатление – это прием изображения «потока сознания», «целью которого является непосредственное воспроизведение процессов, происходящих в сознании персонажа, передача чувственных впечатлений от чистых образов и ощущений, воспринимаемых органами чувств, поэтому в таком отражении мыслительная деятельность пассивна, а во внутреннем монологе – активна» [5]. Такой текст построен на невербальной стороне образов и процесса их появления в сознании персонажа, причем ощущения в художественном тексте М. Коцюбинского зачастую взаимозаменяемы. Так, в новелле «На острове» описание бури передается через слуховые ощущения и впечатления: *«у хаті якись тривожні шуми, щось ходить по ній, затаївши стогнання, шелестить в п'тьмі папером, штовхає стіни і деренчить шибками... Тоді я здогадуюсь: буря»* [3, с. 548]. Логическому выводу в размышлениях героя предшествуют слуховые ощущения, что утверждает первичность в механизме познания мира человеком его органов чувств.

Таким образом, в новеллах М. Коцюбинского происходит концептуализация основных положений литературы «потока сознания», опирающейся на отражение потока мыслей, ощущений и чувственных впечатлений в их непосредственном хаотичном течении, на отказ от давления над происходящим фигуры автора и абсолютизацию внутреннего мира личности в тексте художественного произведения.

Список использованной литературы

1. Літературознавчий словник-довідник / Р. Т. Гром'як [та інш.]. — Київ : Академія, 1997. — 752 с.
2. Коробалева, С. А. Текст «потока сознания» в художественной культуре модернизма (на материале романа Дж. Джойса «Улисс») [Электронный ресурс] / С. А. Коробалева. — Режим доступа: <http://www.james-joyce.ru/articles/tekst-potoka-soznaniya-v-hudozhestvennoy-kulture-modernizma5.htm>. — Дата доступа: 22.03.2020.
3. Коцюбинський, М. Цвіт яблуні : повісті, оповідання, новели / М. Коцюбинський. — Київ : Радян. шк., 1989. — 558 с.
4. Островська, А. Імпресіоністична структурність новел Михайла Коцюбинського / А. Островська // Українська філологія: школи, постаті, проблеми. — Львів, 1999. — Ч. 1. — С. 475–483.
5. Оттенс, Г. В. «Поток сознания» как повествовательная техника художественного модернистского произведения [Электронный ресурс] / Г. В. Оттенс. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/potok-soznaniya-kak-povestvovatel'naya-tehnika-hudozhestvennogo-modernistskogo-proizvedeniya/viewer>. — Дата доступа: 22.03.2020.

М. Р. Гарбачук

Брест, БрДУ імя А. С. Пушкіна

СУЧАСНАЯ КАМУНІКАТЫЎНАЯ ПРАСТОРА У РЭСПУБЛІЦЫ БЕЛАРУСЬ

Камунікатыўная прастора сучаснага беларускага грамадства характарызуецца такімі дынамічна зменлівымі працэсамі, як глабалізацыя, інфарматызацыя, кам'ютарызацыя, мадэрнізацыя, што дазваляе атрымаць сучаснаму чалавеку рэзультатна і інфармацыйна. Камунікатыўная прастора — гэта сукупнасць сфер зносін, у якіх моўная асоба можа рэалізаваць сваю моўную ідэнтычнасць у адпаведнасці з прынятымі ў дадзеным соцыуме правіламі і нормамі зносін.

Сучасная камунікатыўная прастора Беларусі характарызуецца грамадскай мадэрнізацыяй і імкненнем да сусветных інфармацыйных працэсаў, для выдучаю ролю ў працэсе мадэрнізацыі займае адукацыя. Уваходжанне Рэспублікі Беларусь у сусветную супольнасць ставіць перад беларускім грамадствам новую мэту — фарміраванне полікультурнай моўнай асобы, г. зн. асобы, здольнай ідэнтыфікаваць сябе не толькі як прадстаўніка сваёй нацыянальнай культуры, але і ў якасці грамадзяніна сусвету, які ўспрымае сваё суб'ектам дыялогу культур і які ўсведамляе сваю ролю, значнасць, адказнасць у глабальных агульначалавечых працэсах.

На сучасную камунікатыўную прастору Беларусі ў значнай ступені паўплывалі прыняцце Закона аб мовах у 1989 г. і рэферэндум, паводле якога ў 1995 г. у Рэспубліцы Беларусь афіцыйнымі дзяржаўнымі мовамі сталі руская і беларуская. Важнае месца належыць перапісам насельніцтва